

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей ЗВЕРЕВ

БАТЯНЯ
ПРОСИТ
ОГНЯ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Батяня просит огня

«ЭКСМО»

2008

Зверев С. И.

Батяня просит огня / С. И. Зверев — «Эксмо», 2008 — (Спецназ ВДВ)

По всему миру катастрофически быстро распространилась гигантская тля, уничтожающая урожаи пшеницы. Биологической аномалией заинтересовались российские спецслужбы, и для изучения проблемы в Аргентину – тлетворный эпицентр – под видом туристов отправляется майор ВДВ Андрей Лавров по прозвищу Батяня с группой десантников. С самого начала их начинают преследовать крайне неприятные происшествия, словно кто-то всеми силами стремится похоронить их под кронами сельвы...

© Зверев С. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Зверев

БАТЯНЯ ПРОСИТ ОГНЯ

Глава 1

...За несколько лет до описываемых в книге событий...

Мягкий летний ветер навевал на вечернюю Рязань атмосферу полного умиротворения. Город ярко, но в то же время как-то приглушенно мерцал сонмом огней, по затихшим улицам бродили парочки, а по пустынной мостовой одиноко тарахтели редкие машины. Старинная Рязань широко славилась своими красотами – любители могли найти массу интересного как в ее древней архитектуре, так и в великолепных пейзажах, открывавшихся с любого мало-мальски возвышавшегося над городом пригорка. Местные жители не дали городу никаких звучных названий вроде «Амстердам-на-Оке» скорее всего потому, что весь город был буквально забит промышленными предприятиями. Однако историческая память этой великой и древней земли еще теплилась за стенами крепости, в величественных соборах и церквях, на старом городище и в самих величественных контурах Старой Рязани.

Однако сегодняшнее настроение города предрасполагало к какому-то празднику, который, судя по звучавшей на каждом углу музыке, обещал быть торжественным и фееричным. И действительно – сегодня на календаре значилось второе августа. Это могло означать только одно – день ВДВ! Во всех кафешках и барах Рязани, по всем клубам и ресторанам гремели зычные мужские голоса, с треском ломались столы и стулья, в связи с чем плотно закрывались окна и двери жилых домов. Десантники хоть парни, безусловно, brave и не чуждые делу чести, однако в зените праздничной эйфории «воздушная пехота» могла сотворить все что угодно. Естественно, последующее утро сотрясалося от раскаяния (а когда и сердечной ругани) всех принимавших участие в событиях предыдущей ночи, но факт оставался фактом – если ты не десантник, то на празднике ВДВ тебе делать нечего. Для твоего же блага.

Так, собственно, получилось и на этот раз. В одном из ресторанов постепенно набирала обороты вечеринка вышеозначенного характера. После традиционной встречи выпускников Рязанского института ВДВ (раньше, еще при Советском Союзе, это военное учебное заведение было знаменито своими воспитанниками на всю страну!), бывшие однокурсники на широкую ногу справляли свой профессиональный праздник. Естественно, многие из них вышли на гражданку в лихие 90-е и теперь занимались делами, в большинстве своем далекими от армейской службы. Те из немногих, кто остался служить в войсках, ныне были в чине не менее подполковника, о чем свидетельствовали не только две звездочки на лазурных полосочках, но и довольно упитанные, да к тому же почти осязаемо пышущие здоровьем лица офицеров.

Среди собравшихся особенно выделялась фигура одного человека. Это был мужчина средних лет, среднего роста, крепко сбитый, с волевым подбородком и ясным взглядом. Однако привлекал внимание он не только внешностью – среди высшего офицерского звена он единственный имел звание... майора. И не потому что плохо служил, а потому, что служил хорошо. Этот человек не любил подхалимажа и карьеристов, он просто выполнял свою работу, он делал то, что умел делать, и никогда не сетовал на свою судьбу. Это был Андрей Лавров, по прозвищу Батяня.

Харизматичный и запоминающийся человек, он одновременно был довольно скромным, но принципиальным гражданином своей страны. Без лишнего пафоса Лавров тащил лямку суровой военной жизни, но всегда держался по законам русского офицера: уверенно и гордо. Надо сказать, что за характер и выдержку Лаврова еще в курсантские годы очень уважали, а теперь, по прошествии стольких лет, осознав всю важность подобных качеств уже на лич-

ном опыте, уважали того пуще. Тем более что многим из собравшихся подобное великодушие и самопожертвование вряд ли были вообще когда-нибудь свойственны. Батяня никогда не выставлялся напоказ и никогда не требовал наград за свои подвиги – он понимал, что люди вроде него, к сожалению или к счастью, остаются в тени своих дел. И то, что обычно только после безвременной и героической смерти, да и то лет через двадцать-двадцать пять, гражданские лица смогут узнать о том, чем он в действительности занимался все это время.

Именно такие мысли лезли в голову Батяне, когда он поднимал свой первый тост. Эту рюмку, по обычаю в полной тишине, пили за тех, кого больше нет среди живых. Десантникам присуще какое-то особое восприятие смерти – как полного и безоговорочного конца жизни, как мощнейшего стимула для живых и как чего-то такого, что происходит с кем угодно, только не с тобой, хотя именно так должно было произойти.

После первой рюмки над столом неуверенно еще пополз тихий шум зарождавшегося разговора, который на третьей рюмке перерос в рокочущий гул. Солидные и суровые мужчины, только что сидевшие с каменными от печали лицами, теперь всю вспоминали заливчатскую молодость. Скорбь по погибшим товарищам уже уступила место колоритным байкам об армейской жизни молодых курсантов. Кому-то на память пришла история о нелепом карточном споре, когда одному из азартных игроков пришлось весь марш-бросок тащить в рюкзаке кирпичи. Какой-то толстый полковник вспоминал про казусы на строевой подготовке.

– Надрючили нас, Петька, дай бог! – смеялся он. – Уж так крепко во мне все это засело, что хоть чурбаном по башке бей – не вышибешь!

– Да ну тебя, Геныч, – шуточно отмахивался от краснощекого собеседника некий Петька, весьма представительный мужчина в дорогом костюме. – Лучше вспомни, как ты с парашютом в первый раз прыгал? Помнишь, как боялся, что в штаны наделаешь?! – с этими словами он, видимо, умиленный запомнившейся ему гримасой Геныча перед прыжком, зашелся гулким хохотом.

Его сосед, занявшийся на гражданке актерским ремеслом, с многозначительным видом повернулся к товарищам и с непроницаемым лицом сурово произнес: «Очко новичка в момент первого прыжка способно перекусить железный лом!» – и тут же мелко затрясся от разбиравшего его смеха.

– Да ну вас, басурмане! – Геныч было слегка сконфузился, но после того, как увидел, что все сидящие за столом зашлись от забавной импровизации, сам не удержался и от души захохотал. Этот эпизод словно послужил сигналом для того, чтобы застольный разговор перетек в новое русло: теперь все собеседники разделились на небольшие, но теплые компании – так называемые кружки по интересам.

Батяня, вдоволь посмеявшись над шуткой старого товарища, тоже решил примкнуть к какому-то из «сообществ». Он подходил к каждой компании, где его неизменно приветствовали и потчевали рюмочкой. От этого он, впрочем, никогда и не отказывался.

И хотя Андрей уже успел ко многим подойти, пожать руку и со всеми же выпить, он, казалось, практически не был подвержен воздействию магической силы хмеля. Взгляд его был все так же ясен, разве что язык слегка заплетался. Внезапно его внимание привлек какой-то мужчина, с которым был знаком еще в институте. Еще тогда этого человека почему-то не любили. Он был невысокого роста, с довольно красивым, но каким-то отталкивающим лицом. Одет был, как всегда, с иголочки. Он вообще с молодых лет слыл франтом и даже десантную форму умудрялся носить так, что казалось, будто это – только что скроенный фасон от знаменитого кутюрье. На этот раз на мужчине красовался костюм, стоивший если и не дороже того заведения, в котором они находились, то уж наверняка не дешевле. Лоск подкладки, безумно дорогая костюмная ткань так и бросались в глаза, а шикарные кожаные ботинки довершали элегантный облик успешного бизнесмена-финансиста. Этого мужчину звали Владимир Курагин.

Помимо кричаще дорогой одежды во внешности Курагина была еще одна особенность – русая, почти что блондинистая, прядь среди гладко зализанной и блестящей из-за жирного слоя геля смоляной шевелюры. Курагин держался со своими бывшими товарищами как бы свысока, изначально давая понять всю тщетность установления паритета между собой и всей остальной компанией – даже на этот вечер.

Батяня, который в своем озорном кураже уверенно шел от стола к столу, где веселье било ключом, был буквально обречен на встречу с Курагиным. Столкнувшись с ним почти вплотную, Лавров с доброжелательным видом и нарочито шутливым тоном возопил:

– Да неужто это ты? Ну привет, камрад! Как дела? Не жалеешь, что на гражданку ушел?

– Не жалею. – Курагин, видимо, не оценил товарищеского порыва, и встретил инициативу Батяни довольно холодно. – Надо было еще раньше уходить. Я теперь могу за один день потратить больше, чем ты за год зарабатываешь. – Андрей почувствовал, что назревает что-то определенно нехорошее. – Ну а ты? Ты чего достиг? Две медали, пять орденов, четыре ранения и клоповник в далеком гарнизоне? И для этого надо было столько пота и крови пролить? Горбатиться полжизни? Бессмысленно все это...

– Не понял... – Лавров действительно немного недопонял. – То есть ты хочешь сказать, что присяга, офицерская честь, жизнь моих бойцов – все это ничего не стоит?

– Стоят чего-то лишь деньги. И твой социальный статус. А у тебя он ниже плинтуса, солдафонская твоя душа, – в голосе Курагина звучала плохо скрытая надменность, а Батяня уже начал слегка злиться. – Все вот эти вот твои фанфаронские речевки о чести надо было оставить в институте – началась другая жизнь, сечешь? Деньги решают все твои проблемы!

– Че ты заладил – деньги, деньги! Ты думаешь, это все? – Батяня был хоть человеком и терпеливым, но когда сомнению подвергались его незыблемые идеалы, быстро вскипал. – А то, что ребята с нашего курса в Чечне погибли за Родину? За командира? За товарища? Это что – пустое слово для тебя, так, что ли, получается? Если бы они так, как ты сейчас, думали?

– И очень плохо, что не думали! Их никто погибать не заставлял. Это дело нехитрое! А ты вот попробуй, будучи нищим офицером, до самых высот подняться. Живым. – Бытовой цинизм Курагина подействовал на Батяню как красная хламида тореадора на разъяренного испанского быка.

Молниеносный удар, нанесенный Лавровым, точно впечатался крепким кулаком в недоумевающую физиономию Курагина. Тот отлетел назад, перекувыркнулся через стол и с грохотом шлепнулся на пол. По всем канонам буйной русской драки тут же неизвестно откуда послышался клич: «Наших бьют!», и недавно благодушно еще пировавшая компания разделилась на сопящих и сжимающих массивные кулаки противников. Слева были сторонники Курагина, справа – соратники Батяни. Последних, само собой, раза в полтора больше. Но это не смущало ни «левых», ни «правых» – драка началась с какого-то невразумительного ругательства, которое Курагин адресовал всем собравшимся в зале. Сокрушительные удары кулаками чередовались с треском столов, звоном бьющихся стаканов и паническими криками официантов. Лавров в пылу сражения смог-таки еще раз зацепить Курагина коротким ударом в печень и хотел было довершить честное дело пинком в живот, как вдруг кто-то сноровисто скрутил его сзади и быстро оттащил подальше от поля битвы.словно в тумане он смог разглядеть лицо Валеры, одного из своих лучших товарищей курсантских времен. Тот был, видимо, более трезв, но вроде как чем-то напуган. Он предостерегающе зашептал:

– Андрей, ты с этим мудаком лучше не связывайся! Он сейчас в очень крутой конторе! Пойми, ему все по фигу – а тебя он и засадить может, если что. Ты его лучше не трогай, плюнь ты на него, слышишь?

– Ты че, Валер, охренел? – стремительно приходя в себя, выпалил Батяня. – Какая это такая структура может быть круче, чем наша? Что это такое есть круче ВДВ, чего-то я не понял?!

Валера наклонился к уху Батяни и что-то тихо прошептал. Тот удивленно выгнул брови, в сердцах сплюнул и озадаченно процедил:

– Продался, сука такая, Западу. Вот же сволочь какая!..

...И кто бы мог подумать, что судьбы Лаврова и Курагина пересекутся так скоро и так неожиданно. Им еще предстоит продолжить разговор. И выяснить наконец, кто же все-таки был прав...

Глава 2

В просторном кабинете, обставленном в лучших традициях офисного интерьера, сидели двое.

Один из присутствующих был постарше и пониже ростом, одет он был в дорогой костюм. Он явно занимал высокую должность во влиятельной корпорации. По его разговору можно было предположить, что сфера деятельности этого человека наверняка касается экономических вопросов. Так оно и было – Джеральд Фарелл являлся одним из финансовых руководителей большого интерконтинентального проекта – Международного фонда развития. При всей своей филантропии с показной гуманитарностью эта организация служила далеко не ради спонсирования закупки игрушек вторичного использования для сирот Камеруна. Скорее наоборот, получив кредит у фонда, некоторые страны после этого нуждались в гуманитарной помощи со стороны ООН гораздо сильнее, чем раньше.

Второй человек, присутствовавший в кабинете, – молодой с наглыми глазами, глядя на которого в голове возникали мысли о холоднокровных обитателях фауны Земли.

Сквозь редкие щели жалюзи все же можно было различить контуры величавого индустриального пейзажа за окном. Это был центр Вашингтона, столицы самого свободного в мире государства, манившего тысячи светлых умов по всему миру золотой перспективой великой американской мечты. Сэм Хопкинс (а именно так звали молодого смуглолицего человека, восседавшего напротив Джеральда Фарелла) оживленно беседовал со своим более искушенным в делах оппонентом. Судя по всему, разговор продолжался уже давно.

– Так, значит, третий мир? – вопросительно наклонил голову Хопкинс.

– Не только. Все страны, чей экономический и политический статус расценивается мировым сообществом как «переходный», – ответил Фарелл. – Видишь ли, я специалист широкого профиля.

– А-а-а, понятно. Следовательно, я в этом свете – всего лишь консультант по финансовой безопасности! – Сэм Хопкинс язвительно улыбнулся.

– Ну почему же ты так нелестно отзываешься о своей должности? – Джеральд Фарелл знал толк в людях и поэтому без раздумий определял для себя их цену. – Финансовая безопасность – вещь довольно серьезная, и любая более-менее серьезная операция требует довольно крупных мер по защите от внешнего проникновения. В мире существует масса примеров, когда абсолютно бесперспективные вложения при всей своей идеальной и безупречной спланированности были элементарно открыты для постороннего вмешательства.

– Уж поверьте, при мне такого не случится! – Сэм Хопкинс еще раз продемонстрировал свой самоуверенный оскал.

Международный фонд развития был крупной банковской организацией, которая занималась ссудой некоторых кредитов под проценты. Единственным его отличием от других транснациональных банков было лишь то, что ссуды давались не частным предприятиям, фирмам и прочей «мелкотне», а конкретно государствам, как получателям кредита и основным гарантам их возврата. Дело в том, что в мире очень часто случаются всяческие непредвиденные ситуации. Правильнее было бы даже сказать «явления». Как-то: наводнения, пожары, землетрясения, ураганы, засуха и прочее, и прочее. Короче, говоря «русским» языком, форс-мажор. И если у крупных фирм, занимающихся, к примеру, грузоперевозками, случается такой форс-мажор, то застрахованный груз целиком и полностью оплачивается страховой компанией фирмы. А если вместо фирмы подставить в эту формулу государство, а вместо грузоперевозок – весь ВВП страны? Получится именно та схема, в которую вполне себе удобно вписывается Международный фонд развития.

Естественно, кредиты выдаются и развивающимся странам для стимулирования экономического развития, для погашения внешних долгов некоторых стран и в прочих мирных целях. Осторожные планировщики политики Международного фонда развития сознательно упирают на финансирование явлений невоенного характера. Ведь любая попытка поддержать конфликт или того хуже – пусть даже косвенное участие в разжигании локальных войн повлекли бы за собой совершенно лишнее внимание со стороны мирового сообщества. Даже такие могущественные и влиятельные структуры, как фонд, тоже боятся ревизий.

По убеждению многих антиглобалистов, фонд выдает столь крупные дотации в расчете на то, что страны-кредиторы вряд ли смогут откупиться в ближайшие пятьдесят лет. И долг, нависший над ними как дамоклов меч, вынудит правительства выстраивать внешне- и внутривнутриполитический курс в соответствии с интересами корпорации. Причем позиционируется все происходящее сугубо как жест доброй воли и государственная необходимость. Именно поэтому имидж Международного фонда развития внешне безупречен: махинации банка недоступны как спецслужбам отдельных государств, так и контролирующим организациям ООН. Тем более что такие ЧП, как извержения вулканов, наводнения, и уж конечно, государственные перевороты, происходят зачастую довольно далеко от матушки-Европы или процветающей Америки. А кому охота совать нос в дела стран третьего мира? Подобно тому как развитые государства используют отсталые страны в качестве сырьевых придатков для своих суперпотребностей, так и для фонда они потенциальные кредитные «рабы». Не более того.

Джеральд Фарелл с кислой миной просматривал экономические сводки прошедшей недели. Курсы международных валютных бирж колебались соразмерно с допустимыми сотыми, чрезвычайные происшествия если и имели место, то низводились до какого-нибудь заваливающего цунами на побережье Фиджи. Особо огорчило господина Фарелла отсутствие масштабных военных конфликтов и внутрисостоятельных волнений. Революции всегда были на руку фонду, потому что после подобных катаклизмов любая страна обычно находилась в состоянии чуть ли не первобытной общины, и для поднятия пусть даже небольшой африканской республики на ноги требовались весьма немалые вложения. А где же их еще взять, как не у Международного фонда развития? Однако в ближайшем будущем, судя по всему, крупных заварушек не предвиделось, а значит, запросов на крупные кредиты ожидать неоткуда.

Внезапно лицо Сэма Хопкинса озарилось той улыбкой, которая обычно появляется у бывалых фронтовиков, вспомнивших военное прошлое:

– А помните, господин Фарелл, какая история случилась в Аргентине?

– Ах, ты про это, – Джеральд Фарелл тоже предался благостным воспоминаниям.

Дело в том, что еще в начале XX века в упомянутой стране случилась небывалая засуха. Аргентина, как один из крупных экспортеров зерна на мировой рынок, пережила грандиозный экономический коллапс, вследствие чего пошатнулись основы всей финансово-экономической системы. Положение осложнялось еще и тем, что это латиноамериканское государство являлось традиционным поставщиком мяса. Поскольку в результате засухи домашние животные практически остались без кормов, то Аргентина недопоставила по фьючерсам более сотни тысяч тонн мяса. С каждым днем ситуация все ухудшалась и ухудшалась.

Засуха обернулась не только неурожаем и финансовым крахом, но и гражданскими волнениями, которые в итоге вылились в государственный переворот и установление авторитарного режима латиноамериканского правительства в духе времени. Аргентина находилась на грани полного краха. И тут на выручку бедствующей стране пришел гуманистически настроенный Международный фонд развития... В итоге Аргентина до сих пор выплачивает проценты по кредитам, которые на данный момент превышают несколько миллиардов долларов США. Эта сделка была одним из самых удачных проектов фонда, который стал классическим примером в обучении нового поколения будущих финансистов.

Однако Фарелла больше интересовали дела насущные. Поэтому он живо поинтересовался:

– А как обстоят дела с нашим проектом в сельве?

– Все готово, – незамедлительно последовал ответ.

– Надеюсь, ты понимаешь, что главное – полная конфиденциальность?

– Естественно, все предусмотрено до мельчайших деталей. – Сэм Хопкинс действительно прекрасно знал свое дело, и вопросы безопасности проекта были в полном его ведении.

Однако господин Фарелл не преминул еще раз напомнить этому чересчур самоуверенному юноше об основных интересах корпорации:

– Мы слишком серьезная финансовая структура для того, чтобы рисковать своей репутацией. – Тон Фарелла не оставлял никаких сомнений в важности его слов. – Ни одному человеку на планете не должно и в голову прийти, что мы как-то замешаны в этом деле, надеюсь, вы отдадите себе в этом отчет?

– Ну что вы! – уверил Хопкинс подозрительного собеседника. – В реальном мире не существует ни одного документа, который мог бы нас хоть отчасти скомпрометировать. Более того: даже те люди, которые реализовывают проект на местах, абсолютно не догадываются о нашей к нему причастности!

– А как же твой человек, который лично руководит проектом? – недоверие все еще звучало в голосе Джеральда Фарелла.

– Ах, вы о нем! – покачал головой Хопкинс. – Этот русский абсолютно надежный человек, он не проронит ни слова, даже если бы его жарили на углях. Тем более, – он хохотнул, открывая белоснежные зубы, – что такое вряд ли случится!

– Ну что же, будем надеяться, что вы действуете так же уверенно, как и говорите!

– Еще раз уверяю вас – можете не сомневаться. Все сделано так, что комар носа не подточит. А если кому-то и стукнет в голову поинтересоваться, то его вниманию – абсолютно «чистый» проект с финансированием из местного бюджета. То есть ничего. Вообще ничего...

Глава 3

Поволжье... Этот край всегда славился своей «народной» красотой – березовые хоромы, зеленые лужайки, окаймленные осокой зеркальные озера, и куда ни глянь, всюду простирались бескрайние поля пшеницы, изредка перечерченные пыльными проселковыми дорогами. Проще говоря, классический сельский пейзаж. Именно в этих живописных местах и дислоцировалась военная часть, в которой служил майор Лавров. Ему, в общем-то, было все равно, в какой местности располагались его части – за свою продолжительную военную карьеру он побывал во многих местах. Однако когда вокруг простиралась вольная природа, а солнце весело сияло с лазурной глади неба, даже такой бывалый вояка, как Батяня, невольно проникался чувством умиротворения и какого-то спокойствия.

По еле заметной в густых и высоких колосьях пшеницы проселочной дороге не спеша катил старый «УАЗ». На бортах виднелась полустершаяся эмблема ВДВ, что свидетельствовало о принадлежности этого транспортного средства к вооруженным силам Российской Федерации. В машине, кроме солдата-водителя, сидел Батяня и еще один молодой лейтенант. Внешность этого молодого человека выдавала в нем типичного интеллигента, а если вспоминать классику, то он очень напоминал Паганеля из книги «Дети капитана Гранта». Несмотря на весь чудаковатый вид этого очкарика, в нем угадывался человек глубоко порядочный, хотя петлицы с парашютами смотрелись на кителе, мягко говоря, странно. К тому же руки у него были для человека военного слишком уж холеные. Батяня при первой же встрече с этим типом почувствовал непреодолимое желание брякнуть что-нибудь вроде: «салют штабным крысам» или «как там, в штабе, задницу протерли – захотелось ножки поразмять?» Однако сдержался.

– Ну что, будем знакомиться, – Батяня старался говорить с ним как можно более благожелательным тоном, хотя первоначальный скепсис уже начинал стремительно эволюционировать в открытый сарказм. – Андрей Лавров. – С этими словами он протянул молодому офицеру свою внушительных размеров лапу.

– Вячеслав Никитенко, – представился офицер, с некоторой опаской принимая джентльменское рукопожатие. – Меня командировали сюда сразу после военно-медицинской академии, для прохождения полевой практики. – Чуть помолчав, он с достоинством добавил: – По собственному желанию!..

– Значит, новый военврач, – коротко и точно определил Батяня.

– Ну да, военврач. И не только... – с этими словами лейтенант Никитенко демонстративно хлопнул по своей мудреной поклаже. Среди всего прочего барахла Андрей успел заметить ноутбук, целый ворох каких-то научно-медицинских книг, кейс с электронным микроскопом и еще целую кучу всякой, по его глубокому убеждению, дряни. «Вот же послал бог на мою голову, – с грустной ухмылкой подумал про себя Батяня. – Диверсант хренов...»

Вдруг водитель громко чихнул, и машина, будто для нее это был условный сигнал, встала как вкопанная. Батяня с Никитенко чуть не разбили себе носы о страховочную рамку, и раздосадованный майор уже собирался было обложить незадачливого солдата крепким словцом, как тот смущенно обернулся и виновато промямлил:

– Извините, товарищ майор, карбюратор засорился...

– Василий, мать твою... – Батяню крайне тронуло виноватое лицо водителя, и только поэтому на парня не вылился ушат ругани. Однако сентиментальность была в данной ситуации не очень уместна, и Лавров тут же властно и коротко скомандовал: – Чини!

Пока водитель возился с карбюратором, оба офицера вылезли из машины поразмять ноги. Бесконечное поле простиралось до горизонта и сливалось там со столь же бесконечной синевой неба. Батяня потянулся было сорвать колосок пшеницы, чтобы пожевать его и ощутить

себя по-настоящему вольно, как в детстве, но вдруг непроизвольно отдернул руку и брезгливо скривился. На пожухлом стебле сидело нечто большое и непередаваемо мерзкое.

Присмотревшись, майор обнаружил еще трех таких тварей, похожих на троекратно увеличенную тлю, на всем стебле.

– Слышишь, доктор, а ты не знаешь, что это за хрень такая? – в свойственной ему манере поинтересовался Батяня. Однако лейтенант уже сам проявил инициативу и шагал навстречу озадаченному майору с точно таким же стеблем в руке, на котором красовались четыре тлеобразных насекомых.

– Точно не уверен, товарищ майор, но, по-моему, это тля, – предположил Никитенко.

– Издеваешься ты, что ли? Я, по-твоему, тли не определяю? Эта раза в два больше нормальной деревенской букашки!

– Да, в чем-то вы правы. Никогда таких не видел, – с этими словами Никитенко поднес стебель ближе к своему лицу. Батяня только поморщился и попытался немного осадить пыл молодого военврача.

– Ты сюда приехал людей лечить или всяких букашек собирать? – без обиняков поинтересовался Лавров.

– Да нет, вы меня неправильно поняли, товарищ майор! – поспешил извиниться лейтенант и опустил стебель. – Я же еще и кандидатскую работу пишу. Называется «Сбалансированность питания солдата внутренних войск в военно-полевых условиях».

– Что же ты у нас в гарнизоне тогда делаешь? – удивленно приподнял брови Лавров. – Ты что, лучше нигде пристроиться не мог?

– Понимаете, товарищ майор, мой отец – известный военный хирург, преподает в военно-медицинской академии в Питере. Он говорит, что хороший военный врач должен обязательно иметь полевую практику – а иначе все полученные в академии знания останутся только лишь теорией, – вежливо пояснил офицер, снова уставившись на мерзких насекомых.

– Ах вот как, – Батяня смекнул, что перед ним вовсе не заучка-слюнтяй, каким лейтенант ему представлялся еще минуту назад. – Только я во всех этих делах не шибко разбираюсь. Можешь поподробнее про свою кандидатскую рассказать. Интересно все-таки.

На этих словах глаза у Никитенко подозрительно заблестели, и за время, пока длилась познавательная лекция, Батяня успел несколько раз обругать себя самого за любопытство.

– Понимаете, правильное и сбалансированное питание – это все! На этом вся человеческая история построена!

Тут Лавров усмехнулся. Вот оно значит что – не полководцы и политики вершили судьбы стран и народов, а сбалансированное питание!

– Вы вот никогда не задумывались, почему, например, европейские народы не спиваются... в отличие от чукчей, якутов, эскимосов и алеутов? А все потому, что наша культура – в основном мясо-зерновая, а у северных народов – исключительно мясная, они земледелием не занимаются, а на моржей и тюленей охотятся, оленей выращивают! Понимаете? Та же водка из зерна делается, и организмы людей «зерновых культур» переносят и адаптируют ее легче и естественней, чем организм северных мясоедов! С другой стороны, древние ацтеки и майя почти не ели мяса, только кукурузу. Нехватка животного белка в организме – это просто катастрофа. Вот и получилось, что индейцы Южной Америки – отсталая цивилизация, даже колеса не знали... вот их более прогрессивные испанцы и победили! Наиболее сбалансированное питание – мясо-зерновое! Самое здоровое, понимаете? Все великие цивилизации были именно такими!

– Понятно, – Батяня понимающе хмыкнул. – Я вот, например, всю свою жизнь пшеничную водку армейской тушенкой закусываю – значит, и питание у меня сбалансированное, правильно?

Лейтенант, немного ошарашенный подобной трактовкой, счел за лучшее промолчать, молча кивнув.

– Значит, так и есть. – С этими словами майор глянул в лазурную высь, потом перевел взгляд на водителя, вытиравшего руки лоскутом засаленной тряпки.

– Ну что, Кулибин, починил ты нашу таратайку?

– Так точно, товарищ майор! – бодро отрапортовал солдат. – Можем ехать!

Военный «уазик» продолжил свой путь по пыльной дороге. Никитенко внимательно рассматривал прихваченный с собой экземпляр насекомого, не переставая удивляться его непохожести на своих соплеменников.

– Никогда раньше не видел ничего похожего, – недоумевал он. – Явно неизвестный науке вид!

– Да выбрось ты эту гадость наконец! – запас терпения Батяни явно иссяк. – Тоже мне, нашел развлечение.

– Нет-нет, что вы, товарищ майор! Следует внимательно исследовать этот экземпляр. Это насекомое скорее всего относится к виду тлей, а значит, вредителей. Вдруг с ним нужно бороться каким-то иным методом?

Батяня только покачал головой.

За разговором офицеры и не заметили, как на горизонте пшеничных полей показались очертания КПП. Однако водитель, увидев спасительный домик, несказанно обрадовался. Ему до чертиков надоело кататься по этим пыльным дорогам в компании с какой-то неизвестной тлей, и поэтому он нетерпеливо втопил газ и машина помчалась по дорожке с удвоенной скоростью, то и дело жестко подпрыгивая на ухабах. А лейтенант Никитенко тем временем задумчиво продолжал, разворачивая свои измышления глобального масштаба:

– Вот, к примеру, если вспомнить историю России: бунты, войны, революции... Отчего все это? Бунты и смуты со времен древнерусских княжеств начинались исключительно из-за нехватки хлеба! Те же «голодные восстания», та же пугачевщина, то же Тамбовское восстание... Февральская революция, наконец!

Батяня был озадачен столь неожиданным выводом:

– Ты что, хочешь сказать, что все это было не случайно? Злой умысел, так сказать?

– Не могу утверждать абсолютно точно, но, по крайней мере, я этого не исключаю!

– Ладно, хватит об этом. Ты лучше вот чего послушай: у нас через две недели на полигоне учения будут. Интересная, скажу тебе, вещь – условия, приближенные к реальной боевой обстановке. Нужна тебе полевая практика – так вот она самая в чистом виде. Кроме того, в программе мероприятия, – тут Батяня сделал короткую, но многозначительную паузу, – прыжки с парашютом. Так что, если кому-то не повезет, будет и тебе хоть какая-то практика. Ты вообще с парашютом когда-нибудь прыгал?

Лейтенант с важным видом отогнул петлицу и продемонстрировал новенький голубой значок с цифрой «100».

– Ого, вас там в военно-медицинской академии и такому тоже учат? – удовлетворенно прищелкнул языком Лавров.

– С детства увлекаюсь, – не без гордости ответил Никитенко. – Поэтому и попросил распределения в ВДВ. Тем более что отец у меня тем же занимается...

Глава 4

В калининградском порту жизнь кипела привычно деловито. Акватория была, как всегда, до отказа напичкана торговыми и транспортными судами со всего света.

В одном из доков шла разгрузка корабля, прибывшего из Аргентины. Судя по размеру контейнеров и доносившимся из них звукам, на его борту перевозили крупный рогатый скот. Мало того – по маркировке блоков можно было догадаться, что быки и коровы были явно племенные. Так и было на самом деле.

Для животных была предусмотрена подстилка из соломы, в дороге их кормили сеном. Держать племенной скот во время путешествия на одном комбикорме специалисты не рекомендуют. Когда разгрузка была в самом разгаре, на причале вдруг появилась машина, из которой вышли несколько человек в штатском. У всех них лица были какие-то одинаково тусклые, незапоминающиеся, однако с первого взгляда было ясно, что шутить и спорить с такими ребятами не стоит.

За ними из машины выбрались еще несколько человек, одетых в белые халаты. Без лишних слов они подошли к контейнерам, из которых доносилось громкое мычание, и попросили людей из команды сопровождения предоставить им возможность взять некоторые пробы сена. Грузчики недоуменно переглянулись, но вид этих незнакомцев с повадками опытных агентов спецслужб лучше всяких слов заставил не сопротивляться и сделать все так, как укажут...

* * *

В маленькой мобильной лаборатории склонилась над столом молодая девушка в белом халате. Под микроскопом она внимательно изучала взятые для экспресс-анализа пробы сена. На рассеченных скальпелем вдоль стеблей соломы передвигались и копошились какие-то крошечные черные точки. Девушка немного подкрутила объектив микроскопа и быстро занесла в журнал данные, после чего жестом подозвала к себе человека в штатском, стоявшего неподалеку. Мужчина с жестким, непроницаемым выражением на широком лице подошел к ней, и молодой биолог торопливо доложила о результатах исследования:

– Эта та, та самая личинка! Все совпало! Визуально определить наличие этого насекомого трудно – оно обитает внутри полого стебля. Но как бы там ни было, ничего подобного я у нас раньше не видела! – И в подтверждение своих слов девушка продемонстрировала штатскому развернутый атлас насекомых.

Мужчина, судя по всему, имел отношение к российским спецслужбам и находился здесь явно не ради праздного интереса. Он пристально изучил предложенную ему страницу с цветными иллюстрациями и убедился, что в отличие от лаборантки, в этой области его познания сильно ограничены. Однако предоставленная информация все-таки навела его на определенные мысли. Эти насекомые оказались на этом борту явно не случайно, и явно не случайно корабль, по легенде, шел из Аргентины в Африку. Похоже, место имеет чей-то злой умысел, но до конкретных обвинений пока еще очень далеко. Однако то, что тля в России, – неоспоримый факт. Судя по сведениям, доходившим ранее из других уголков планеты, особого повода для радости нет – эта тварь уничтожает посевы в мгновение ока.

Мужчина коротко поблагодарил девушку и вышел из лаборатории. Оказавшись за дверями, он тут же набрал по мобильнику какой-то номер.

– Ну что, блин, проследили маршрут? Да? Ну и как тогда племенной скот, предназначавшийся для голодающего Сомали, оказался здесь?!

А дело обстояло следующим образом. Распределители гуманитарных грузов для Африки, помимо того что являлись корыстолюбивыми, притом имели достаточно средств для осуществления своих нелегальных операций. Еще в аргентинском порту они собирались толкнуть племенной товар «налево», причем в какую именно страну пойдет груз, их абсолютно не волновало. Сомали, Судан, Эритрея – куда угодно, но лишь бы это произошло как можно быстрее. А там уже все будет шито-крыто. Вместе с сеном и навозом, выброшенным из-под скота, тля будет разноситься по территории страны. Обвинять в случившемся будет некого, ибо какой-либо информации, свидетельствующей об этой сделке, просто не будет.

Россия в этом плане была практически идеальным вариантом. Любой ушлый российский бизнесмен мог бы запросто перекупить живой груз, а после на зафрахтованном пароходе переправить несколькими партиями, например, в новороссийский порт. Естественно, с той же самой подстилкой и с тем же самым кормом. В итоге заразная тля бесшумно и стремительно распространялась по всему миру, причем прикрытие «темных» делишек гуманитарных контор обеспечивало полную конфиденциальность подобных логистических выкрутасов.

Вышедший из лаборатории мужчина с непроницаемым лицом по фамилии Железняк очень хотел бы распутать этот клубок, однако пока что история оставалась крайне запутанной.

Глава 5

Воздух сотрясаясь от рокота мощных моторов. Военный аэродром начинал свой какофонический концерт, предвещающий начало боевых учений. Белые туши «Илов» медленно разогревались на взлетно-посадочной полосе, все больше и больше зашумляя пространство. Если глянуть на происходящее с высоты птичьего полета, картина бы открылась воистину грандиозная. Огромные самолеты, неловко разворачивающиеся на аэродроме, казались еще во сто крат больше, чем они есть на самом деле, из-за копошащихся подле них людей. Вдоль посадочной полосы стояло несколько БМП, ожидавших погрузки в бездонные чрева «Илов», и миниатюрные фигурки солдат, которые сновали туда-сюда, тщетно пытаясь расслышать приказания в чудовищном гуле.

Эти учения были засекреченными, однако к участию в них привлекались не только офицеры дислоцированных в округе частей, но и младший командный состав, а также рядовые. Каждый военный приносит присягу и клянется жизнью хранить военную тайну. Засекреченность учений еще не означает, что проводятся они будут с применением новых разработок в сфере ядерного и бактериологического вооружения. В основной своей массе это обыкновенные учения со свойственной им спецификой: нестандартная форма проведения «мероприятий», незнакомая и опасная местность и прочие «приятные» сюрпризы.

По аэродрому быстро передвигалась небольшая десантная группа парашютистов во главе с Батяней. Среди них был и лейтенант Никитенко. Похоже, что подобные маневры были для него непривычны, поэтому если он и чувствовал некоторую неуверенность, старался этого не показывать. В военно-медицинской академии лейтенант привык к полевым вылазкам, несколько раз они даже ездили на трехмесячные сборы. Но там все проходило как-то гладко, никаких экстренных ситуаций не возникало. И настоящее задание с прыжком в полной боевой выкладке, да еще и с таким опытным командиром, как Батяня, было для него в новинку.

Через пару минут они резко остановились перед неожиданно появившимся генералом. На чисто выбритом полном лице виднелись два небольших шрама. Генерал взглянул на них строго и вместе с тем как-то благодушно. Судя по задорному блеску в глазах Лаврова, с этим генералом он был давно знаком. А если Батяня хорошо относится к кому-либо, то это означало одно: человек действительно чего-нибудь да стоил. Лавров тут же остановил группу и четко приветствовал старшего по званию. Генерал Федин немедленно ответил приветствием, после чего жестом дал понять, что сейчас скажет речь.

– Итак, бойцы, слушай мою команду! – зарокотал мощный баритон, перекрывавший рев самолетных турбин. – Диспозиция учений следующая: ваша группа будет заброшена в район Карельских болот. Задача – обнаружить штаб условного противника и захватить его. Как всегда, в учениях принимают участие две условно враждующие группировки – «синие» и «зеленые». Вы, само собой, представляете интересы «синих». Условный противник может быть проинформирован о десанте, так что вы должны быть максимально осторожны!

Батяня кивал, мгновенно раскладывая информацию «по полочкам». До сих пор «условный, максимально приближенный», пока не наблюдалось. Однако, как только майор подумал о банальности учений, лицо генерала посуровело, и уже тише он продолжал:

– Существует еще одно осложнение. Учения проводятся почти вплотную к финской границе, а там, в свою очередь, развернулись плановые учения НАТО. Ни под каким предлогом не пересекайте границу и не поддавайтесь ни на какие провокации натовцев. Это понятно?

– Так точно! – бодро рявкнула вся команда.

Теперь Батяня понял, для чего были затеяны все эти маневры. Это был «наш ответ Чемберлену» – приграничные маневры ВДВ Российской Федерации в пик натовским учениям на территории Финляндии. Поэтому провокаций было уж точно не избежать – это майор осозна-

вал четко. Еще один немаловажный момент, который его напрягал, – это предстоящая высадка в компании с сержантами и в лучшем случае – старшими лейтенантами. Он понимал, что не все здесь новички, но и опытных бойцов здесь было не так уж и много. Кроме него, еще паратройка ребят, с которыми он работал несколько лет назад на одном «интересном» задании. Только тогда их было пятеро... Справятся ли с заданием теперешние его подчиненные? Но пока загадывать было рано. Как подсказывал его многолетний опыт, в таких делах все решали практические навыки ориентирования на местности, особенно если она незнакома.

Неподалеку от летного поля стоял армейский «уазик». В нем находились несколько человек, среди которых выделялся мужчина с брутальной внешностью. Геннадий Железняк был одет в гражданскую одежду и с нескрываемым интересом смотрел в сторону десантной группы. Его внимание в первую очередь привлекал майор Лавров. Железняк пристально следил за каждым движением майора ВДВ, пытаясь читать по губам ответы. Через несколько секунд он склонился к уху одного из офицеров и что-то спросил. Офицер утвердительно закивал и что-то быстро затараторил в ответ. Речь шла о Батяне. Отзывы об интересовавшей Железняка кандидатуре были самые лестные, и Железняк удовлетворенно усмехался, продолжая смотреть в сторону стремительно удаляющегося отряда. Он и без этого стоявшего рядом штабного офицера был прилично осведомлен о деятельности Батяни. Специфика его работы позволяла знать об «объекте исследования» буквально все. Достоинствами этого офицера были не только отличная физическая подготовка и солдатская смекалка. Главное – он являлся убежденным патриотом и человеком чести. А такие люди сегодня что в армии, что на гражданке встречаются не так уж часто.

Тем временем вся десантная группа быстро вскочила на борт «Ила», и самолет покатился по взлетной полосе. Батяня и все сидевшие в фюзеляже пристегнули ремни безопасности, их примеру последовал и слегка ошарашенный Никитенко. Он не переставал думать о словах генерала. Точнее о том, что любой необдуманный поступок может вызвать реальный вооруженный конфликт, и уж точно никто за это «спасибо» не скажет и по головке не погладит. Это определенно нервировало лейтенанта, однако после недолгих раздумий он решил махнуть рукой на все сомнения. Тем более что рядом был такой надежный и многоопытный персонаж, как Батяня, который в любой ситуации поможет добрым советом, а если надо, и отвесит смачного пинка.

Однако майора происходящее насторожило. Во-первых, ему не понравился сам тон разговора и то, каким образом были даны конечные указания. Подобные аэродромные информминутки не были редкостью в его ремесле – зачастую рассиживаться и не спеша обсуждать готовящуюся операцию просто нет времени. Но на этот раз все произошло как-то уж совсем спонтанно. Тем более выпускать отряд молодых ребят к самой финской границе, да еще во время натовских учений – это был уже перебор. Ладно он, опытный офицер. А эти что? Половина из них и с парашютом-то прыгает второй десяток раз. Эта затея ему сразу не понравилась, но в армии, как известно, приказы не обсуждают. Тем более в обстановке, «максимально приближенной к боевой».

Железняк внимательно наблюдал за тем, как громадный самолет плавно набирает высоту и с гулом уносится за горизонт. На него вдруг нахлынули воспоминания о том, как двадцать лет назад он в молодости служил в ВДВ и точно на таких же учениях и полигонах выполнял поставленные задачи. И вспомнил про своих товарищей и забавные случаи, без которых никогда не обходятся подобные мероприятия...

Тряхнув головой, Железняк отогнал мысли о прошлом. Быстро набрав на мобильном телефоне знакомый номер, он что-то сказал в трубку, однако из-за рева моторов практически ничего не было слышно. До человека, стоявшего, например, в двух шагах от него, могло донестись бы лишь только обрывочное: «...да-да, и по полной программе!...», однако что это значило

и кому предназначалось, никто бы с точностью сказать не мог. Железняк спрятал в карман телефон и приказал водителю уезжать.

Офицер, с которым недавно разговаривал Железняк, снова наклонился к его уху. Железняк несколько раз кивнул, что-то ответил и, ткнув пальцем в разложенную у него тут же на ногах карту, довольно ухмыльнулся. Офицер удивленно взглянул на собеседника и откинулся в кресле, поправляя фуражку. Видимо, неожиданный ответ сбил его с толку. «Уазик» быстро развернулся и укатил в неизвестном направлении.

Глава 6

Мерный гул моторов «Боинга-747» убаюкивал пассажиров салона бизнес-класса. По громкоговорителю уже в шестой раз за время полета объявляли о том, что пассажиры находятся в рейсовом самолете Нью-Йорк – Рио-де-Жанейро и что до посадки осталось сколько-то там минут. За иллюминаторами было уже темно, на водной глади Атлантического океана еще можно было различить лунные блики. По салону без устали сновали миловидные стюардессы, предлагающие на выбор чай, кофе или слабоалкогольные напитки. Так как бизнес-классом обычно летают довольно обеспеченные люди, то отбоя от заказов не было, и расторопные девушки с заученными улыбками дефилировали туда-сюда с большими красивыми подносами, уставленными всякой всячиной.

В креслах у иллюминаторов по правому борту сидели и разговаривали Джеральд Фарелл и Сэм Хопкинс. Фарелл был явно чем-то обеспокоен, он нервничал и не находил себе места. В отличие от него Хопкинс держался ровно и спокойно, время от времени бросая многозначительные взгляды на своего компаньона. Фарелл, потирая щеку, произнес:

– Я слышал, что эта «зараза» добралась уже и до России. Я весьма разочарован, потому как Российская Федерация не входила в наши первоначальные планы, не так ли? – По тону Фарелла было понятно, что тот находится далеко не в самом лучшем расположении духа. – Одно дело – недоразвитые страны третьего мира, и совсем другое – огромное материковое государство вроде России! Вы же не подумали о последствиях! Россия – это вам не какая-нибудь Эфиопия или Сомали. Там подобные вещи просто так не оставят – обязательно проведут расследование, что, да как, да почему, и непременно докопаются сами знаете до чего. А это нам надо? Скажи, почему ты не проконсультировался со мной? – господин Фарелл начинал срываться на высокие ноты. – Ты все погубил... Теперь придется сворачивать проект, и точка!

Однако Сэм Хопкинс продолжал невозмутимо посасывать дорогой коктейль и вполуха слушал Фарелла, который, по его мнению, нес сущую блажь. Сэм был уверен, что «там» все продумано и что контора не допустит подобных проколов. Все просчитано, а Джеральд просто перестраховывается. Допив коктейль, Хопкинс повернулся к собеседнику и сказал:

– Ну что вы так разволновались? Пусть себе будет Россия! Вы же сами прекрасно понимаете – вычислить непосредственных исполнителей этого проекта достаточно проблематично. Это раз. Во-вторых, собственно исполнители – это наша весьма крупная и весьма влиятельная структура с очень конкретными интересами в этом деле. В-третьих, подчеркиваю, на местах и не подозревают о нашей причастности к проекту. Люди просто получают свои деньги, а остальное их абсолютно не касается. Тем более почти все исполнители – это фанатично настроенные ученые, которых хлебом не корми – дай порыться в каком-нибудь ослином дерьме, чтобы потом написать про это диссертацию или там какую-нибудь научную работу!

Однако Фарелл не прекращал нервничать:

– Все равно необходимо усилить меры безопасности! Мы не должны допустить решительно никакой утечки информации – кретину ясно, что в случае провала операции или ее неаккуратного исполнения вся наша организация потерпит серьезный урон! И отвечать за это будем только мы. Понятно?

– Сэр, не беспокойтесь, – произнес Хопкинс с вальяжной самоуверенностью. – Будет очень и очень сложно проследить, откуда бразильская тля попала на территорию России. Причем очень сложно в этой ситуации равняется «невозможно».

Джеральд Фарелл, впрочем, все еще сомневался в правильности стратегического решения Хопкинса, но пути назад уже не было. Он являлся координатором этого проекта. А следовательно, чуть что – и спрос тоже был бы с него лично, а не с какого-то там Хопкинса.

Из громкоговорителя слышалась вежливая просьба к пассажирам приготовиться к посадке. Стюардессы с милыми белозубыми улыбками скрылись в помещении для персонала. Джеральд Фарелл смотрел в иллюминатор, где далеко внизу мигали огни ночного города. И думал о том, что Хопкинс, возможно, и прав – он, Фарелл, только разрабатывал программу безопасности и систему контрабандных поставок в страны третьего мира, а с исполнителями не все так просто... И все-таки беспокойство не покидало его. Зная о возможностях русских спецслужб не понаслышке, он отчетливо представлял себе, что может произойти, если вся правда о загадочном вредителе выплывет наружу. Тогда к черту полетит не только вся репутация Международного фонда развития, но и его, Джеральда Фарелла, собственная башка.

Глава 7

Лес, растущий прямо посреди огромного карельского болота, выглядел прямо-таки зловеще. Такой вот первобытной жутью наполнены сказки о Бабе-яге, чья избушка на курьих ножках должна была бы стоять именно в таком месте. Сучковатые кряжистые деревья, казалось, были похожи на живых существ, глухое бульканье пучины коварных северных болот свидетельствовало о том, что место гиблое. Не зря в древности люди считали болота обиталищем троллей, ведьм, злых эльфов и прочей нечисти. Добрые люди держатся от таких мест подальше. Однако двум десантникам, беспомощно болтавшимся на запутавшихся в размашистых ветвях парашютных стропах, было вовсе не до фольклорных предрассудков. При высадке десанта личный состав незапланированно рассеялся по обширной территории, к тому же кое-кто из десантников угодил прямо в заросли на трясине. Хорошо еще, что у каждого имелся нож, который в подобной ситуации оказался весьма кстати. Ими-то и воспользовались Лавров и Никитенко. Для начала раскочавшись на стропах, они прильнули к деревьям и, более-менее зафиксировав тело на стволе, обрезали стропы. Лейтенант немного не подрассчитал силы, и едва стальное лезвие рассекло ремни парашюта, брякнулся-таки вниз. Падение несколько смягчил толстый слой мха, расстилавшийся, на его счастье, прямо под кроной дерева, и тяга одной из строп, которую он не успел обрезать. Батяня же провел операцию более безболезненно и через пару секунд стоял подле своего поверженного товарища.

– Ну что, вставай, архаровец. Надо своих искать. – Майор с улыбкой подал Никитенко руку. Тот, оценив, что пренебрегать посторонней поддержкой в подобной ситуации было бы по меньшей мере глупо, принял помощь своего товарища, после чего они вместе стащили купола парашютов, связали страховочные крепления, обрезанные по инструкции, и запаковали все в парашютные рюкзаки. По правилам конспирации, они не должны были оставлять после себя никаких следов пребывания.

Батяня, виртуозно справившийся со своим парашютом, собрался было сверить координаты местности, как вдруг обнаружилось, что портативный спутниковый приемник сломался. Система дала сбой, и теперь приходилось ориентироваться по компасу, который неизменно был у Лаврова на руке.

– Мы примерно в десятке километров к западу от финской границы, – наконец озвучил свои топографические выводы Батяня. – Следовательно, можем считать, что уложились. Теперь нужно отправляться на поиски своих.

Естественно, радиосвязью в подобных условиях пользоваться было невозможно – это понимали и Батяня, и его коллега. Поэтому вопроса о развороте связной точки не встало. Еще до вылета Лавров, как человек опытный, собрал всю группу и провел дополнительный инструктаж на предмет непредвиденных обстоятельств. Он обозначил на карте условное место, где в случае неудачной или экстремальной высадки должен был состояться сбор отряда. Любые блага цивилизации, грозившие быть запеленгованными при использовании, были категорически запрещены, но тем не менее иметь их при себе надлежало обязательно.

Батяня и Никитенко начали спешно двигаться по направлению к месту сбора. Оба хорошо ориентировались на местности, так что разногласий по вопросу «куда идти?» не возникло. Шагая впереди, Батяня думал о том, что неопытные десантники могли забыть о договоренности по поводу места сбора, или кто-то при посадке получил травму, или чей-то парашют попросту не раскрылся... Хотя нет, последнее было целиком и полностью исключено: во время высадки он боковым зрением смог пересчитать все купола – и их было ровно столько, сколько и должно было быть. Значит, выпрыгнули все, и приземлились тоже все. Но вот где они? Существовала даже вероятность того (правду сказать, довольно маленькая), что кому-то особо не повезло и его забросило на территорию Финляндии. Однако если он и Никитенко

оказались в десяти километрах к западу от границы, то вся остальная группа, прыгавшая с борта того же самого самолета, вряд ли рассеялась на радиус более семи километров – и это при том, что они прыгали последними.

Никитенко думал о другом. Теперь он в полной мере ощущал всю «соль» учений. Стоило только высадиться – и он уже в экстремальной ситуации! Впрочем, сейчас он, несмотря ни на что, пребывал в приподнятом состоянии духа. Тем более, рядом был Батяня, который уж точно знал, что и когда ему делать. Молча они шли вперед, изредка перебрасываясь короткими фразами. Пробираясь сквозь болотистую чащу, оба пристально высматривали безопасную тропу.

Когда оба десантника в очередной раз вышли на открытое место, навстречу им внезапно выскочили четверо незнакомцев с автоматами и тут же взяли Батяню с Никитенко на прицел. Майор моментально увидел, что автоматы были иностранного производства. А автоматчик спросил: «Суоми?» Не получив ответа, он спросил еще раз: «Рус?»

И Лавров, и Никитенко, быстро все поняв, приняли единственно верное в этой ситуации решение. Добровольно сложив оружие, они молча последовали за незнакомцами, явно не расположенными к шуткам. Здравомыслием, что вооруженное сопротивление регулярным войскам на территории чужого государства чревато серьезным международным конфликтом, оба офицера посчитали правильным выждать момента, когда все разъяснится и они смогут окончательно и верно оценить обстановку. Оба догадывались, что встретившие их на опушке автоматчики-финны ведут их теперь в одну из натовских частей, дислоцированных где-то неподалеку на время военных учений. Тем более что прямой вины российских военных в этом невольном нарушении государственной границы суверенной страны нет – где их высадил пилот, там они и приземлились! Согласно исходному плану, они должны были находиться километрах в двадцати отсюда, не меньше!

Теперь Батяня и Никитенко безропотно шагали в сопровождении финского эскорта, гадая про себя о своей дальнейшей участи...

* * *

Воинская часть вооруженных сил Финляндии располагалась на каменистой возвышенности недалеко от болота, на котором были задержаны русские. Помимо многочисленного личного состава, здесь было несколько гаражей для бронетехники, бочки для горючего, брезентовые палатки.

Батяню и Никитенко привели в какой-то обшарпанный вагончик, выкрашенный маскировочной краской. Автоматчики усадили их на стулья, а сами встали сзади и по бокам, для того чтобы пленники все время были в поле зрения. Однако ни Андрей, ни тем более Никитенко и не думали оказывать сопротивление. Когда в дверях показалась фигура какого-то долговязого мужчины в военной форме, они несколько приободрились. Он был одет в новенький натовский камуфляж с офицерскими погонами, сбоку на портупее красовалась кобура с видневшейся из нее рукояткой пистолета, а справа небрежно висела граната. Тем не менее предназначалась она явно не для учебных целей.

Финн начал допрашивать русских пленников на ломаном русском языке. При этом и у Батяни, и у лейтенанта руки были крепко связаны – на всякий случай. Оба смирились с таким проявлением предосторожности со стороны натовцев, деваться-то некуда. Никитенко даже подумал, что если бы сам обнаружил такую вот парочку в лесу около своей части, да еще и вооруженных по уши, то еще и врезал бы как следует за подобный несвоевременный карнавал.

Финн между тем задавал вполне нормальные вопросы, и тон его был мирным и дружеским. Судя по всему, он охотно верил всему сказанному. Стоит сказать, что с «речами» выступал в основном Батяня, потому как Никитенко до сих пор от всего произошедшего пребывал в легком шоке и разумно воздерживался от ведения беседы, дабы не ляпнуть лишнего.

Финн скрупулезно записал все показания, пообещав, что немедленно свяжется с российским посольством в Хельсинки.

Уже на пороге финский офицер вдруг остановился, не спеша развернулся и с акцентом произнес:

– Извините, я совсем забыл. Тут один человек хотел поговорить с вами...

Едва он это сказал, как в дверь вошел мужчина в штатском, наружность которого располагала к беседе гораздо меньше, чем сухое и даже немного глуповатое лицо финна. Усевшись перед Лавровым и Никитенко на стул, он заговорил по-русски с таким сильным английским акцентом, что понять его было непросто:

– Ми претлагаем вам ошень вигодный сделка. Ви рассказывать нам про то, где располагаться ваш часть, а ми гарантирует солидный денежный вознаграждение, ви есть жить в США по зеленый карта, интересный работа и программа... как это... защиты свидетель.

Батяня, в свою очередь, как мог объяснил на ломаном английском, что, мол, ваше предложение неприемлемо, и что дальнейшие разговоры будут вестись только в присутствии полномочных представителей русского консульства.

Похоже, незнакомца подобная дерзость рассердила:

– Что? Какой адвокат? Какой каунсил? Ви – русский шпионы, это понятно любой дурак! Ваша легенда о сильном ветре и глупый пайлот вообще не похожа на правда. Кто ви, кто есть вас послал, с какой миссией, с кем вы должны были встретиться? Гиде есть вся ваша остальная шайка? Отвечайт! Бистро!

Однако и Батяня, и Вячеслав Никитенко молчали.

Незнакомец начинал беситься:

– Не хотите говорить? Ол райт! Тут кругом – десятки километров болот, если даже вас будут искать, вас все равно не найти. Тем более что ми переправим вас в другое место, где наши спешал методики развяжут ваши язык! Так что на ваш выбор: или ви сейчас же рассказывать все о ваш план, количестве и дислокации войск и назначении диверсионная группа и получать хороший жизнь за границей, либо ми перевозить вас в укромный бункер, где наши люди пытать вас и доставать из вас правду силой! Ну что? Что ви теперь сказать? Я думаю, что у вас не вы...

В этот момент майор резко вскочил вместе со стулом и сильно ударил стоявшего рядом долгоязого финна головой в грудь. Тот болезненно скукожился, а Лавров вцепился зубами в чеку гранаты. Никитенко, впрочем, тоже не дремал. Молниеносным ударом ноги он что было мочи ударил штатского ногой под ребра. Тот отлетел к стенке и сполз, хватая ртом воздух.

– Скажите этому уроду, чтобы развязал нам руки, а то я за себя не ручаюсь! – процедил сквозь зубы Батяня, намертво вцепившись в чеку.

Солдаты поняли, что спорить с этими сумасбродами опасно, и развязали их. А через минуту сами были связаны, обезоружены на полу и приторочены хитроумным узлом друг к другу. Штатский и финн также были связаны, и теперь стояли перед Батяней, покорно ожидая своей участи.

– Итак, – обратился Лавров к финну. – Продолжим разговор. Где у вас тут телефон?

Финн безропотно кивнул в сторону, и лейтенант Никитенко тут же обнаружил аппарат. Однако дозвониться до штаба или вообще до России, как оказалось, было невозможно.

Батяня начинал злиться:

– А ну, ты, каланча, где тут у вас карта? Сколько километров до Хельсинки?

– Н-н-не знаю... – смятенно промямлил финн. Он был явно обескуражен всем происшедшим за эти несколько минут.

– Понятно. Ну и хрен с ней, с картой.

У Батяни созрел какой-то более подходящий план, который он и не преминул озвучить:

– Итак, господа хорошие, сейчас безо всяких там штучек вчетвером выдвигаемся во-о-он к тому джипу. Понятно? И не дай бог вам сделать хоть шаг не в ту сторону.

Майор многозначительно покачал гранатой перед носом у ошалевших «следователей», которые и моргнуть не успели, как оказались на месте своих жертв...

* * *

Неровная лесная дорога заставляла джип аккуратно преодолевать все рытвины. За рулем сидел финн, которого держал на мушке Батяня. Сзади находились Никитенко и связанный штатский, которого лейтенант то и дело тыкал в бок пистолетом.

Когда автомобиль выехал к шоссе, на перекрестке вдруг на дорогу вышли несколько человек с автоматами и в камуфляжной форме без каких-либо знаков различия. Батяня хотел было повернуть назад, но было поздно. «Допрыгались, – промелькнуло у него в голове. – Ну все, Маруся, теперь держись...»

Глава 8

Бразильская сельва – одно из красивейших и экзотических мест на земле. Этот тропический рай в Южной Америке привлекает своей загадочностью, каким-то мистическим великолепием. Венец этой чудной красоты – ее величество Амазонка – сверкающей лентой пересекает девственные тропические леса. Название этой своенравной реке дали еще испанские конкистадоры, воевавшие на ее берегах с индейцами. Они были поражены необузданной яростью индейских женщин, сражавшихся наравне с мужчинами племени. Отчаянные воительницы напомнили испанцам миф об античных амазонках, благодаря чему река получила свое имя.

Безумный поток, петляя и поворачивая, шумит в джунглях. На одном повороте в сердце тропического леса расположились, сверкая крышами, легкие сборные домики с эмблемами Гринписа. Они выглядели карликами на фоне громадных деревьев, чьи искривленные ветви напоминали огромные руки. Научные экспедиции направляются сюда десятками со всего мира. Ведь бразильская сельва – настоящий рай для любого ученого.

Около десяти гринписовских домиков стояли на расстоянии двадцати-тридцати метров друг от друга. Жизнь в лагере была ключом. Немцы, поляки, итальянцы, голландцы – представителей каких только национальностей не встретишь в лагере! Всех исследователей объединяло общее дело проблемы, решение которых и входит в обязанности Гринписа.

Во-первых, это просто-таки беспощадная вырубка лесов, загрязнение самой Амазонки. Но самое главное, что сейчас беспокоило ученых больше всего, это то, что недавно в бразильской сельве неизвестно откуда появились опасные вредители-насекомые, которые за короткий срок создали угрозу экологическому балансу этой природной экосистемы, и если не предпринять никаких мер, то через пару десятков лет встанет проблема исчезновения тропических лесов.

Многочисленные эксперименты и анализы, проведенные учеными, показали, что эта тля отличается необыкновенной приспособляемостью и способна адаптироваться к практически любым климатическим условиям. Вред, наносимый ею, заключается в том, что она пожирает зерновые и злаковые культуры, уничтожая их изнутри.

Поскольку эта тля, названная бразильской, стремительно размножалась, уничтожать ее силами Гринписа было довольно проблематично. Поэтому были привлечены аборигены Амазонии. Им платили из средств, перечисляемых миссии спонсором. Последний играл здесь далеко не последнюю роль. Стоит просто сказать, что без такого влиятельного спонсора, как Банк развития, эта миссия с самого начала не состоялась бы.

Надо заметить, что в последние двадцать-тридцать лет быт индейцев сильно изменился. Если раньше они почти все занимались охотой и собирательством, то теперь главное занятие многих – выпрашивание денег у туристов. Индейцы за сущие гроши готовы выполнять любую работу.

Наиболее близко к месту расположения миссии Гринпис проживало племя тупи-гуарани. Они-то и помогали Гринпису в борьбе с тлей.

Полуголые индейцы по колено в воде в болотистых зарослях длинными тяжелыми ножами – мачете – срубали стебли диких злаковых и собирали их в заплечные мешки. Наибольшую опасность представляют личинки тли, живущие внутри стебля. Ко всему прочему, аборигенам было приказано доставлять личинки для дальнейшего исследования. Порядком подуставшие индейцы уже практически на автомате выполняли эту изматывающую работу. Тем не менее, будучи людьми неунывающими, часто переговариваясь между собой, они весело смеялись.

Закончив работу, индейцы собрали в кучу все мешки со стеблями с личинками бразильской тли, а затем погрузили их на катер. Руководил индейцами вождь по имени Сильвио Киспе. Кроме мачете, лука и стрел у него с собой был и портативный компьютер-«наладонник». Сегодня этим в Амазонии никого не удивишь. Благодаря правительству Бразилии, не столь давно утвердившему специальную программу по помощи аборигенам, бесплатный Wi-Fi-интернет есть теперь по всей Амазонке. Сильвио повернулся и сказал что-то по-португальски, после чего за ним в катер сели еще трое индейцев. Катер постоял немного, а затем, затахтев, сорвался с места и двинулся в направлении гринписовских домиков.

На берегу аборигенов с грузом встречала руководитель гринписовцев Ружена Крумлова. Эта молодая симпатичная чешка была отличным специалистом, до такой степени преданной работе, что порой это мешало ее личной жизни. Умница и полиглот, она мыслила в глобальном масштабе. Проблема потепления, отравления пресных вод, озоновые дыры в атмосфере – это еще не все, что ее волновало. Главной задачей своей жизни она видела спасение человечества от экологической катастрофы. Разумеется, что она не могла оставить без внимания такое грандиозное явление, как эта невероятно опасная тля. Потому-то она и стояла теперь на берегу, встречая вождя с привезенными мешками.

Сильвио спрыгнул с катера, неся за плечом несколько мешков, за ним следовали остальные. Вождь подошел к девушке и улыбнулся. Ружена ответила ему тем же, поздоровалась с ним по-английски. Индеец поприветствовал ее в ответ, правда, его английский, в отличие от безупречного произношения девушки, был сильно подвержен португальскому акценту. Ружена жестом указала, куда отнести мешки. Аборигены твердым шагом направились к указанному месту и, сбросив там мешки, возвратились обратно. Чешка поблагодарила их за работу и уже хотела попрощаться, но вождь, сделав шаг к ней навстречу, спросил:

– Почему мы не уничтожаем эту тлю, а только собираем? – показал он на сваленные в кучу мешки.

– Наша миссия существует на частные пожертвования, – ответила Ружена. – Один из фондов, который спонсирует проект, поставил условие: растения с личинками не уничтожать на месте, а переправлять вверх по реке в пригород Манауса. Для чего – нам не пояснили. Думаю, проверяют, не обманываем ли мы их с выполненным объемом работ.

Сильвио понимающе кивнул и хотел было еще что-то спросить, однако его внимание отвлек шум мотора. К берегу причалил еще один катер. Из него выбрались несколько человек. Они принялись разгружать внушительных размеров коробки, в которых находились продукты, одежда, мыло и прочие необходимые вещи. Освободив катер, его снова загрузили, на этот раз мешками, принесенными индейцами.

К Крумловой подошел представительно одетый мужчина, мулат. Это был Сэм Хопкинс. Вежливо представившись, он сказал ей, что не видел девушки симпатичнее, чем она.

– Я очень доволен тем, как идут дела, мне нравится ваш подход к делу. Я представитель банка-спонсора, – с этими словами он вынул из внутреннего кармана пиджака какую-то бумагу и протянул девушке.

– Вот это документы, подтверждающие, что мы перевели на счет амазонского отделения Гринписа еще несколько миллионов долларов.

Ружена с несколько рассеянным видом взглянула на документы, а затем, вскинув голову, будто что-то вспомнив, обратилась к Хопкинсу:

– Извините... Но вот наш уважаемый Сильвио интересуется: если бразильская тля действительно так опасна, почему бы не уничтожить ее на месте? – Она указала на Киспе, и тот закивал головой, подтверждая, что он действительно этим интересовался.

– С любым злом надо бороться. А врага надо, как говорится, знать в лицо, – внушительно произнес мулат. – Вот в пригороде Манауса его и изучают. Да к тому же там мы проводим опыты над этими паразитами. Путем обработки специальными лучами наши ученые хотят

заставить тлю мутировать. Генетически измененная разновидность вредителя, по нашим расчетам, должна уничтожить своих же сородичей. Мутантов мы, естественно, планируем выпустить на волю, чтобы раз и навсегда избавиться от этих тварей, – закончил лекцию Сэм Хопкинс.

– Так у вас там лаборатория? – спросила Ружена, глядя на то, как мешки грузят на катер.

– Да, ее мы тоже спонсируем, – сухо пояснил мулат.

С катера раздался голос, звавший Хопкинса. Катер уже отправлялся.

– Извините, но мне пора, – вежливым тоном произнес мулат. – Было очень приятно с вами побеседовать. Надеюсь, что мы еще увидимся, мадам. – С этими словами он, круто повернувшись, быстро зашагал к катеру.

Глава 9

«Это еще что за штучки такие, только их не хватало», – мысленно подсадовал Батяня, увидев, как на их пути неожиданно появилась группа вооруженных людей в камуфляже.

– Черт бы побрал этих финнов! – будто прочитав мысли майора, вслух протяжно чертыхнулся Никитенко. Однако тут же осекся и, указывая пальцем вперед, проговорил: – Интересный вид войск: ни одной нашивки, ни одного отличительного знака...

Лейтенант хотел еще что-то добавить, но тут водитель резко затормозил и джип встал как вкопанный. А перед тем еще несколько секунд двигался по инерции, оставив на асфальте темные следы. Всех, кто сидел в машине, основательно потрянуло. Батяня ударился головой о панель и чуть было не выронил гранату, которую держал в своей лапе. Увидев, что неизвестные автоматчики уже бегут к машине, Лавров быстро скомандовал:

– Без паники! Кто бы это ни был, мы так просто не сдадимся!

Затем повернулся к лейтенанту:

– Драться умеешь?

– Учили в академии... но я же врач... – промямлил Никитенко.

– Учили в академии! – с сарказмом передразнил его Батяня. – Вот тебе и боевое крещение!

В этот момент дверцы джипа распахнулись, и на сидевших в салоне уставились стволы четырех автоматов. Финн, сидевший за рулем, закашлялся и вжался в кресло. Майор, быстро оценив ситуацию, понял, что предпринимать какие-либо действия в машине бесполезно – преимущество противника очевидно, а надеяться на Никитенко вряд ли стоит. Поэтому Лавров принял решение сначала выйти из джипа. А там, на открытом пространстве, он, десантник со стажем, уж что-нибудь да придумает. И снова прозвучал окрик на чужом языке, который можно было понять как «Выходить по одному!»

С видом побежденного Батяня вылез из джипа, пряча за спиной руку с гранатой. За ним последовали Никитенко со штатским. Автоматчики, окружив их, что-то угрожающе говорили. По их тону и жестам было предельно ясно, что они требуют сдать оружие и поднять руки. Никитенко выглядел слегка растерянным. Еще час назад он сам брал заложников, а теперь оказался под прицелом. «Не многовато ли за один день приключений?» – вертелось у него в голове. Лейтенант с надеждой взглянул на Батяню, который держался весьма уверенно, и лишь взгляд был сосредоточенным и серьезным. Нужно было что-то предпринимать, а иначе...

Долго держать руку за спиной, не вызывая при этом подозрений, было невозможно, солдаты вот-вот увидят гранату – и тогда так просто им не отделаться. Он бросил взгляд в сторону противников: их было шестеро, и все довольно крепкие ребята. Автоматы, которые эти парни держали наготове, давали незнакомцам неоспоримое преимущество. Десантников могло спасти только чудо. Шоссе, где их остановили, было совершенно пустынным и помощи ждать неоткуда.

Батяня окинул окрестности наметанным глазом, тут же приметив сбоку от дороги небольшой холмик, а за ним тропинку, ведущую в лес. Майор лихорадочно стал соображать, как отвлечь внимание и добраться до спасительной тропинки... Между тем один из солдат приблизился к нему и ткнул автоматом в грудь. Остальные бойцы вплотную подошли к Никитенко и пленным натовцам и, размахивая автоматами, принялись что-то лопотать на своем языке. Лейтенант впервые в жизни пожалел, что не знает финского, потому что объяснять что-либо по-русски было бесполезно. Тем временем солдат, стоявший около Батяни, рывкнул ему со злостью, словно фашист на пленного. Майор догадался, что тот требует показать руки. Надо было действовать, и время на размышления истекло.

Мгновенно Лавров отработанным движением выхватил свободной рукой пистолет из-за пояса и сокрушительным ударом в челюсть вывел верзилу из состояния равновесия. Тот, все же устояв на ногах, выронил автомат. Затем, подхватив не успевшего прийти в себя боевика, Батяня одним рывком развернул его к себе спиной и зажал шею противника надежным захватом. Руку с гранатой он выбросил вперед и всем своим видом дал понять, что ему ничего не стоит разжать кулак, и тогда они все вместе взлетят на воздух. Остальные бойцы, не ожидавшие подобного поворота событий, замешкались, и этого времени майору хватило, чтобы отшвырнуть автомат к ногам Никитенко.

– Надеюсь, хоть стрелять вас в академии учили? – рявкнул Батяня обалдевшему врачу.

Мгновение – и Никитенко, выйдя из оцепенения, схватил оружие и направил его на камуфляжников. Те отшатнулись, но автоматы не опустили. Преимущество все еще было на их стороне, хотя Лавров с помощью гранаты и внес некоторые корректировки в диспозицию. Теперь надо было во что бы то ни стало добраться до холма. Эти несколько десятков метров в данной ситуации казались непреодолимым расстоянием.

– Медленно отходим! – пробасил майор и кивнул лейтенанту в сторону холмика.

Боевики, вконец растерявшись, стояли и смотрели, как Батяня, Никитенко и подталкиваемые ими натовцы постепенно отступают к холму.

Оставалось пройти метров пятнадцать, как Никитенко первый услышал какой-то шум в стороне, похожий на гудение автомобиля, привлечший внимание и Батяни.

Шум все нарастал, и вот из-за поворота словно мираж появился... «уазик». На его дверях красовалась эмблема ВДВ РФ. Никитенко сдержал удивленный возглас: «Да это же наши! Подмога!»

Батяня не спешил навстречу неожиданным спасителям и недоверчиво наблюдал за происходящим. «Уазик» между тем остановился, и дверцы распахнулись. Из машины сначала высунулась веселая и довольная физиономия командира части, а потом и он сам, после чего за ним вышел штатский, в котором можно было без труда узнать Железняк. Они не спеша подошли к «компании», которая замерла, словно в стоп-кадре.

– Расслабьтесь, – произнес полковник Семенихин, – это была всего-навсего проверка, которую вы с честью выдержали.

Лейтенант растерянно озирался, ничего не понимая.

– Эй, майор, отпусти человека, ему ведь больно, наверное, – продолжал командир, обращаясь к Батяне, – да и граната у тебя с учебным запалом.

Такого поворота событий не ожидал даже выдавший виды Лавров. Он неуверенно опустил пистолет, но, увидев, что бойцы, державшие их на прицеле, уже мирно беседуют между собой, успокоился и отпустил своего заложника. Наступила гробовая тишина. Командир части и Железняк стояли поодаль и не спешили с объяснениями. Все еще не веря в случившееся, Никитенко наконец спросил:

– Так это не Финляндия?

– Это, лейтенант, карельские леса. Расположение спецназа ГРУ, – терпеливо пояснил командир.

Да, судя по всему, это и была та самая «проверка по жесткому варианту».

Обескураженный Батяня подошел к командиру:

– Я что-то ничего не понимаю, товарищ полковник.

– И я тоже, – подтвердил Никитенко.

Командир со Железняком переглянулись и расплылись в широких улыбках:

– Ну что ж, давайте пройдемся.

Лавров с Никитенко, пожав плечами, двинулись вслед за ними. Лейтенант шел, протирая свои очки, сильно запотевшие то ли от влажности, то ли от волнения, и крутил головой,

глядя по сторонам. Батяня нервно сплевывал и недоуменно качал головой. Дойдя до поворота, штатский остановился и, подняв вперед руку, указал на дорожный знак:

– Можете убедиться! – громко произнес он.

Перед ними стоял большой дорожный указатель синего цвета, весь проржавевший и накрененный набок, а белыми или, точнее, серыми от грязи буквами было выведено: «Дер. Бол. Пруды».

– Да уж, это точно Россия-матушка, – процедил сквозь зубы Лавров.

В качестве еще одного неоспоримого доказательства пребывания на родной земле появились два пьяных мужика в грязных и оборванных ватниках. Оба вели неинтеллигентную беседу на крыльце придорожного сельпо. Вопрос состоял в том, кто первый будет пить мутную жидкость в бутылке без этикетки. Вдобавок ко всему неподалеку проехал старый комбайн «Дон-2», водитель которого мало чем отличался от спорящих возле магазина.

– Да-а, – протянул лейтенант, – это не Финляндия. Но Родина, какая она ни есть, все же Родина. – Никитенко явно потянуло на лирику.

– Так зачем нужна была эта проверка? – продолжал допытываться Батяня у шагнувшего рядом Железняка.

– Да-да, хотелось бы узнать, в чем дело! – тут же встрепенулся лейтенант.

– Ну что ж, – задумчиво произнес штатский. – Я думаю, что вы все узнаете, только давайте вернемся к машине и там все обсудим. Да и вы, наверное, не будете против присесть и отдохнуть?

Никитенко с Лавровым, переглянувшись, одновременно кивнули, после чего все молча двинулись к «уазику».

Глава 10

Несколько военных грузовиков с табличкой «Люди» тяжело передвигались по полю, оставляя глубокую колею в мягкой земле. В голове колонны ехал военный джип с синим маяком на крыше, и точно такой же замыкал колонну. Местность, по которой ехали грузовики, совсем недавно представляла собой живописный сельский пейзаж. Теперь здесь на сотни метров раскинулось сплошное гигантское пепелище. Над полями висело плотное облако черного едкого дыма, а в воздухе стоял густой запах гари. Полной грудью вздохнуть было практически невозможно: удушливый кашель тут же начинал сотрясать грудь до спазм и, казалось, разрывал легкие изнутри. При малейшем дуновении ветра с выжженной земли в воздух взлетало огромное количество пепла, отчего начинали болеть глаза. Сложно было представить, что недавно здесь буйно колосился хлеб, работали крестьяне и буйствовало величие русской природы. Тут и там виднелись таблички с надписями: «Проход запрещен», «Запретная зона». По полю ровными рядами шли солдаты с армейскими огнеметами в руках и выжигали последние остатки растительности, некогда бывшей пшеницей. Бразильская тля за считанные дни сгубила труд многих месяцев. Не укладывалось в голове, что эта микроскопическая тварь способна принести столько бед.

Люди, жившие неподалеку и работавшие на этом поле, подходили так близко, как только можно было подойти, снимали кепки и плакали, глядя на то, как военные жгут хлеб. Те, кто постарше, причитали словно по умершим: «Да как же нам жить-то дальше: у нас ни хлеба, ни работы не осталось!», «А что ж, мы теперь голодать будем?» Кто помоложе, стояли молча, не веря своим глазам. Не хватало только зловещего «грибка» на горизонте, чтобы довершить пейзаж ядерного апокалипсиса.

Тем временем одни солдаты, сделавшие несколько проходов, подходили к грузовикам, передевались и запрыгивали в кузов, а их тут же сменяли другие. Вновь прибывшим вручали огнеметы, и они отправлялись туда, где остановились предыдущие. Тяжелый дым от горящей травы собрался над полем в огромную тучу, висевшую прямо над головой. Казалось, ее можно потрогать руками. Над полем кружило несколько вертолетов, следивших за тем, чтобы ситуация не вышла из-под контроля и огонь не перекинулся на леса. Рации трещали в руках у военных. Весь этот хаос напоминал времена страшной войны, прокатившейся по русской земле в середине прошлого века.

Несколько рядовых из числа прибывших только что стояли возле армейского грузовика «Урал» и в ожидании команды курили, негромко переговариваясь. На погонах одного из них виднелись две сержантские лычки. Их еще совсем юные лица блестели от пота и были черными от копоти. Происходящее вокруг было главной темой всех разговоров.

Один из солдат, невысокий и белобрысый, нервно поглядывал по сторонам, выпуская дымные колечки неправильной формы.

– Что творится... Глазам не верю, – сказал он стоящему рядом пареньку постарше, на голове которого нелепо сидела армейская кепка.

– И я никогда бы не подумал, что такое вообще может случиться. – Его собеседник сплюнул и оскалился. – Фантастика какая-то. Фильм ужасов...

– Это же грех какой! Столько хлеба! – белобрысый в сердцах швырнул окурок на землю. – Я в деревне вырос, все детство с отцом в поле провел, он меня учил землю уважать. – Потом, помолчав несколько секунд, продолжил: – Бабка рассказывала, как она в войну каждый колосок перебирала собственными руками. Тогда без хлеба остаться – это ж хана! Особенно зимой... А мы тут теперь целые гектары уничтожаем. Эх, – тут он нагнулся и поднял с земли колосок пшеницы, который больше походил на полусгоревший фитиль, потеревил его в руке, отчего та вся покрылась сажей, и поднял глаза к небу, которое теперь было каким-то апокалипсическим.

– А что поделать, если тут какой-то вредитель завелся? – после долгого молчания вдруг возразил тот, что повыше. – Ты ж сам слышал, что если его не уничтожить, то эта тварь разойдется по всем полям. Вот и приходится сжигать.

– А что, другого способа нет? – спросил белобрысый.

– Другого способа нет. Личинки внутри соломинок живут, так что химикатами их не возьмешь.

В этот момент к ним подошел сержант и громко прокричал: «Возвращаемся в часть! А ну, быстро в кузов!» Бросив окурки, солдаты развернулись и полезли в кузов тарахтевшего в нескольких метрах от них «Урала».

Взревев мотором, машина покатила по дороге, и все сидевшие в кузове увидели, как позади них остаются черные отметины, среди которых еще проглядывают желтые лоскутки, на которых еще растет пшеница, но огонь беспощадно продвигался и вскоре эти лоскутки превратятся в такую же черную гарь.

Глава 11

Тишину большого кабинета разорвал телефонный звонок, больше похожий на стрекотание кузнечика. Геннадий Железняк вместо того, чтобы снять трубку, нажал кнопку на селекторе и командным тоном произнес:

– Я же просил меня ни с кем не соединять.

– Извините, все исправим, – послышался из селектора женский голос.

И действительно, через пару секунд телефон перестал издавать трескучий звон и замолчал. Кроме самого Железняка, в кабинете находился майор Лавров, стоявший у стола внушительных размеров и осматривавшийся. Кабинет представлял собой типичную обитель начальства: российский триколор, висевший на стене, чуть ниже на присутствующих смотрел с портрета президент, несколько телефонов на столе. Ну а в довершение прямо напротив стола висела политическая карта мира, которая органично дополняла интерьер кабинета. Железняк обошел стол, плюхнулся в шикарное кожаное кресло-«президент» и, положив руки на подлокотники, обратился к Батяне:

– Садитесь, чего стоять! В ногах правды нет! – И улыбка появилась на его обычно скучно-серьезном лице.

– Да, это точно, – скупно ответил Лавров и, придвинув стул к столу, устроился прямо напротив штатского.

Десантник чувствовал себя не в своей тарелке. Он сильно устал за последнее время, что немудрено после таких приключений в псевдо-Финляндии. Отдохнуть пока случай не представился. Мышцы болели, и каждое движение давало о себе знать. Хотелось принять ванну и выспаться. И самое главное, что раздражало Батяню, так это то, что он не понимал, зачем он вообще здесь находится. Идиотский «розыгрыш» тоже настроения не прибавлял.

Высокий чин покопался в одном из многочисленных ящиков стола, извлек оттуда пачку сигарет и пепельницу. Распечатав коробку, он протянул ее Батяне. Тот ответил подчеркнуто вежливым отказом:

– Благодарю, не беспокойтесь.

Железняк же, достав из пачки сигарету, закурил.

– Не будем тянуть кота за хвост, перейдем сразу к делу.

– Да уж, было бы неплохо, – отозвался Лавров.

– Я все больше убеждаюсь, что в вас не ошибся, – проговорил хозяин кабинета, выпуская через ноздри струю густого дыма, который поднимался вверх и рассеивался где-то под потолком.

– Так чем я обязан столь пристальным ко мне вниманием? – спросил Батяня, желая быстрее понять, что тут происходит.

Железняк не спеша положил сигарету на пепельницу, налил себе воды из графина, стоявшего рядом на столе, сделал большой глоток и, проницательно глядя на майора, проговорил:

– Ваше начальство охарактеризовало вас как лучшего десантника, настоящего профессионала, так сказать, от бога, который с достоинством способен выйти из любой ситуации.

Батяня вежливо улыбнулся, однако тут же принял серьезный вид. Он прекрасно понимал, что просто так его проверять и уж тем более хвалить не будут.

– Кроме того, я изучил ваше личное дело и сделал вывод, что вы человек честный, порядочный и не будете задавать лишних вопросов.

Батяня насторожился, пытаясь понять, куда клонит его собеседник.

– Какими языками, кроме английского, владеете? – спросил непринужденно штатский.

– Немецкий, фарси, немного португальский, – осторожно ответил десантник.

– Очень хорошо, в наше время чем больше языков знаешь, тем легче жить, – словно народную мудрость произнес Железняк.

Медленно заведя руки за спину, он подошел к окну и открыл жалюзи. В довольно мрачный и суровый кабинет тут же ворвались лучи яркого солнца. Они отражались от всех блестящих предметов, и кабинет неожиданно стал чем-то похож на дискотеку в разгар лазерного шоу.

Батяня, оставаясь сидеть на прежнем месте, слегка потянулся, после чего выставил руки перед собой и сжал пальцы в замок, затем резким движением вывернул ладони наружу.

Раздался тихий хруст, и Батяня расслабленно улыбнулся, снова устремив свой взгляд на штатского. Тот стоял у окна и, казалось, был поглощен созерцанием прохожих, мирно сновавших под окнами. Однако спустя буквально минуту он обернулся, обошел вокруг стола и сел на свое место. Кинул взгляд на все так же спокойно сидящего Лаврова:

– Понимаете, сейчас в мире очень беспокойная ситуация... – начал Железняк издали. После этих слов он сделал паузу, как бы ожидая реакции Батяни.

Тот же лишь утвердительно кивнул головой и спокойным, ровным голосом произнес:

– В мире всегда беспокойно. – После этих слов десантник рукавом вытер испарину со лба, при этом выдохнув так, будто собирался затушить несколько десятков свеч на праздничном торте. – Жарко тут у вас.

– Да уж, – произнес собеседник. – Но тут несколько другая ситуация, угроза касается непосредственно России, – рассудительно продолжил он.

– Я внимательно слушаю, – кивнул Батяня.

– Поэтому мы считаем необходимым принять все меры, дабы обезопасить нашу с вами страну.

Батяня взглянул на Железняка, а в его глазах читался вопрос: «А что я должен делать?» Штатский, словно прочитав мысли Лаврова, продолжил:

– Как вы смотрите на то, если бы вас... и еще нескольких офицеров, на ваш и наш выбор, отправили далеко от России для выполнения очень ответственного задания... – при этих словах он так смотрел на собеседника, что казалось, он вот-вот просверлит его глазами.

– Согласился бы не раздумывая, – ответил десантник, глядя прямо перед собой, – но если бы такое предложение и было сделано, то оно показалось бы мне несколько странным: ведь для выполнения особых заданий существуют специальные подразделения, например: АТЦ, ФСБ, многочисленные отряды ГРУ и прочие структуры... Они и подготовлены лучше, и к тому же это их работа.

Железняк широко улыбнулся и развел руками:

– Представьте, что как раз именно вы подготовлены лучше, – заявляю это с твердой уверенностью. Мы изучили ваше дело, провели учения. Ваш опыт – главное преимущество перед остальными кандидатами, к тому же ваши моральные качества выше всяких похвал, а это ведь, сами понимаете, не последнее дело, тем более когда речь идет о столь важном задании. Как говорится, не со всяким в разведку пойти можно. Ну и, наконец, еще один немаловажный аргумент: вы и деретесь отлично, в чем мы сегодня уже имели возможность убедиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.